

Глава 1

МЛАДЕНЕЦ В ФУТЛЯРЕ

Ярким осенним утром, когда все в мире выглядело пронзительным и до безобразия счастливым, а листва на деревьях сияла, словно была облита сусальным золотом, из подъезда многоэтажного дома на Рублевском шоссе вышел высокий сутулый человек в сером пальто.

Звали его Герман Дурнев, он был директором фирмы «Носки секонд-хенд» и отцом годовалой дочери Пипы (сокращенно от Пенелопы).

Остановившись под козырьком подъезда, Дурнев неодобрительно огляделся. Солнце, чья округлая физиономия была плоской как блин, нежилось на соседней крыше, будто лентяш и соображая, стоит ли ему восходить дальше или и так сойдет. На куче листьев недалеко от подъезда полулежала женщина

Дмитрий Емец

в оранжевом комбинезоне и смотрела в открытый люк. Профиль у нее был правильный, греческих очертаний, а медно-рыжие волосы топорщились так, что невольно заставляли вспомнить о змеях. В люке кто-то бурно возился и громыхал. Надутые воробьи клевали что-то на асфальте, бойко, словно резиновые мячи, отскакивая от прохожих.

Из окон и подвалов, с площадей и куцых скверов, с крон деревьев и неба, увешанного мочалками туч, из кошачьих глаз и из женских сумочек, из выхлопных труб автомобилей, с магазинных ценников и все еще обгоревших носов дачников — отовсюду, потирая желтые морковные ладони, глядел совсем юный, недавно родившийся октябрь.

Но Герману Дурневу до всей этой красоты не было никакого дела. Погода и вообще природа интересовали его лишь настолько, чтобы определиться, не взять ли с собой зонтик или не пора ли поставить на автомобиль зимнюю резину с шипами.

Он посмотрел на часы и достал коробочку с го-меопатией.

— Хамство какое-то это солнце! Раз, два... И не доплюнешь ведь до него... Хоть бы оно вообще потухло... Разве в такой день у кого-нибудь может быть рабочий настрой? Пять, шесть... Рано или поздно у меня точно будет язва... Или уже есть... Семь... — пробормотал он, отсчитывая шарики и помещая их себе под язык.

Когда шарики рассосались, Дурнев хорошо задумался и сказал себе:

— Ну вот, теперь я точно доживу до обеда, если от нового мозольного пластыря у меня не случится заражения крови.

Разумеется, Дурнев и не подозревал, что за ним наблюдают. Большая отвратительного вида птица — хмурая, взъерошенная, с длинной облезшей шеей, на которой почти не было перьев, наблюдала за ним с козырька подъезда. В клюве птица держала вырезанную из журнала фотографию, с которой смотрел... да, это был он самый — Герман Дурнев, снятый вместе с женой Нинелью и дочерью Пипой на выставке «Международные подтяжки» на ВВЦ.

Изредка птица опускала фотографию на жестяной лист и принималась въедливо сравнивать настоящего Дурнева с фотографией. При этом из клюва на снимок капали отвратительные зеленоватые комки слизи.

Можно себе представить, как поразился бы Дурнев, если бы случайно поднял голову и взглянул, кто сидит на козырьке подъезда. Однако Герман Никитич был не из тех, кто обращает внимание на птиц — если, разумеется, это не вареная курица, лежащая перед ним на тарелке. К тому же в данный момент изворотливый ум руководителя фирмы «Носки секонд-хенд» был занят решением вопроса, как растаможить два вагона использованных носовых платков под видом товаров для детей.

Дмитрий Емец

Дурнев спустился с крыльца и, наступив на восхитительно яркий желтый лист, несколько раз с явным удовольствием повернулся на каблуке. Сделав это, он уже совершенно равнодушно миновал множество других листьев и сел в новую черную машину. Машина зафырчала и тронулась. Птица с голой шеей тяжело сорвалась с козырька и полетела следом за машиной, явно не собираясь терять ее из виду.

* * *

Сидящая на газоне женщина, о которой Дурнев мельком подумал как о ремонтнице, проводила птицу пронзительным взглядом и пробормотала себе под нос:

— Хотела бы я знать, что тут делает Мертвый Гриф? Последний раз я встречала его, когда спускали на воду «Титаник». Не помню, что там случилось с этим парходом, но наверняка были какие-то неприятности.

Она вскинула руку, на среднем пальце которой было сверкающее кольцо, и негромко шепнула:

— *Искрис фронтис!*

В тот же миг из кольца вырвалась зеленая искра и опалила птице крыло. Теряя перья, Мертвый Гриф камнем рухнул на асфальт, что-то хрипло прокричал и, снова взлетев, метнулся за ближайший дом.

Загадочная особа подула на раскалившееся кольцо.

— Ненавижу этих живых мертвецов. Их невозможно убить во второй раз. Лучше уж иметь дело просто с нежитью, — проворчала она.

Тем временем в люке снова что-то со страшным грохотом обрушилось. Плеснула вода.

— А-апчч! — донеслось из люка так оглушительно, что крышка даже подскочила.

Забыв о птице, ремонтница — если, разумеется, это была ремонтница — озабоченно склонилась над люком:

— Академик, вы простудитесь! Умоляю, наденьте хотя бы шарф!

— Медузия, не чуди! Водолазам шарф не поможет! — немедленно отозвался голос.

Но женщину это ничуть не успокоило.

— Клянусь волосом Древнира, это ни в какие ворота не лезет! Представить только, сам академик белой магии, глава школы волшебства Тибидохс, Сарданапал Черноморов вынужден снимать простейшие заклятия нежити! Где, позвольте спросить, наши младшие волшебники, где ассистенты? — строго поджав губы, спросила она.

Громыхания в люке прекратились. На поверхность поднялся маленький румяный толстячок, одетый в оранжевую спецовку, с которой стекала вода... Нет, простите, совсем не в спецовку, а в мантию. Спецовой она могла показаться только не очень внимательному наблюдателю, и то на первый взгляд. Точно такая же оранжевая мантия была и на его спутнице.

— А-апчч!.. Медузия! Все это, право, такая ерунда, что не стоит никого утруждать!.. А-апчч! Без практики я в два года стал бы беспомощным кабинетным

Дмитрий Емец

магом. Мало ли среди нас лентяев, которые и в свинью не могут превратиться без кольца? Не говоря уж о высших дисциплинах, таких как теоретическая магия, левитация, защита от сглаза или изготовление талисманов.

Приведя этот убийственный, на его взгляд, довод, академик Сарданапал приподнялся на цыпочки и жизнерадостно огляделся. Правый ус у него был зеленым, а левый желтым. Но самым странным было даже не это, а то, что усы ни секунды не пребывали в состоянии покоя. Они то извивались, как две живые веревки, то сплетались, то норовили обвить дужки очков и сдернуть их у толстячка с носа. Правда, сделать это было не так-то просто, поскольку очки явно держались не столько на дужках, давно разболтавшихся, сколько на особом заклинании.

Что касается бороды академика, то цвет ее был вообще неопределим, поскольку она то появлялась, то исчезала. Наверняка можно было сказать только одно — борода была феноменально длинной, настолько длинной, что ее пришлось многократно обмотать вокруг туловища, а конец спрятать в карман.

Заметив наконец, что его мантия промокла, глава школы волшебства пробормотал:

— *Первачус барабанус!*

От одежды повалил пар, и уже несколько мгновений спустя она совершенно высохла.

— Ах, какой чудный осенний денек! — воскликнул Сарданапал, поворачиваясь к своей спутнице. —

Он похож на тот день, когда мне впервые отрубили голову! Ты согласна со мной, Медузия?

Преподавательница нежитеведения доцент Медузия Горгонова, поморщившись, провела пальцами по своей шее.

— Уф! От лопухоидов можно ждать только гадостей... Мне тоже отрубали голову. Невоздержанный тип в крылатых сандалиях, пялившийся в собственный щит. Тогда я была дурно воспитанной колдуньей с кошмарными привычками, и только вы, академик, меня перевоспитали, — сказала она.

Усы Сарданапала польщенно дрогнули:

— Перестань, сколько раз можно благодарить! Приклеить тебе голову было сущим пустяком! Для этого не пришлось даже прибегать к серьезной магии, вполне хватило простенького штопочного заклинания. Ну а то, что ты отказалась от прежних привычек, — честь тебе и хвала! Моя заслуга была... кгхм... минимальной... кгхм...

— Как вы можете так говорить! — воскликнула Медузия. — Я же превращала путников в изваяния! Любой, кто смотрел на меня, мгновенно становился камнем!

— Ерунда, не вспоминай об этом! Ты была совсем молоденькой девчонкой, комплексующей из-за прыщей, вот и заколдовывала тех бедолаг, которые тебя случайно увидели. Откровенно говоря, я тебя прекрасно понимаю: эти древние греки всюду совали свой любопытный нос. Ты даже на остров удали-

Дмитрий Емец

лась подальше от их глаз, а они все равно шлялись поблизости, размахивая мечами. Все, что мне потребовалось, это вылечить тебя от прыщей. И какой красавицей стала! Даже Бессмертник Кощеев и тот постоянно краснеет, когда прилетает в Тибидохс на скелете своего верного коня...

— Скверный старикашка! Сорок килограммов посеребрённых костей, золотая черепушка, янтарные зубы — и все это в латах от Пако Гробанн! — нахмурилась Медузия.

— Но ты не будешь спорить, что он в тебя влюблен!

Доцент Горгонова смущенно зарделась. Красные пятна, вспыхнувшие вдруг в разных местах на ее щеках, чем-то походили на вишни.

— Сарданапал! Я же просила! — укоризненно воскликнула она.

Усы академика белой магии виновато дрогнули.

— Проклятое ехидство! После того как я случайно выпил настойку с ядом гарпий, никак не могу от него избавиться. Пробовал и печень дракона, и полстакана зеленки с каплей желчи василиска утром и перед сном — ничего не помогает! — пожаловался он.

— Не извиняйтесь, я не обиделась. Просто не люблю, когда при мне произносят это имя... — смягчилась Медузия. — Скажите лучше вот что: неужели мы с вами тащились сюда из самого Тибидохса затем только, чтобы расколдовать этот занюханный люк, который вытягивает у прохожих ключи и монетки?

Только не лукавьте. Мы же знаем друг друга уже три тысячи лет...

Сарданапал укоризненно посмотрел на свою спутницу и высморкался в гигантский платок со звездами, который загадочным образом возник вдруг у него в руке. Звезды на платке перемигивались и складывались в причудливые созвездия, причем созвездие Жертвенника пыталось обчихать созвездие Стрельца метеоритами.

— Медузия, ты рассуждаешь как волшебница. Поставь себя на место обычного человека. Ключи — это не дребедень. Человек, лишившийся ключей, имеет реальный шанс заночевать на лавочке и подхватить насморк... Вот как я, например.

— Ваш насморк оттого, что вы не надели шарф, когда мы летели над океаном... А нужды лопухоидов меня волнуют очень мало. В их мире полно заколдованных люков, взбесившихся турникетов и самозахлопывающихся подвалов. Нежить не сидит сложа руки. Едва мы уйдем, на этот люк вновь наложат заклятие. И мы ничего не сможем с этим поделать.

Видя, что его спутница начинает сердиться, академик Сарданапал легонько подул на платок, и тот растаял у него в ладони, предварительно превратившись в синюю мочалку.

— Прости, Медузия. С недавних пор я подозреваю, что мое чувство юмора тоже кто-то заколдовал. Не исключая, что его сглазили таджикские джинны, которым я запретил устраивать пыльные бури...

Дмитрий Емец

М-м... Ты видела человека, который только что вышел из подъезда?

— Видела. Но каким образом вы сумели? Я хочу сказать, вы же были под землей!

Сарданапал загадочно улыбнулся:

— О, если я захочу что-то увидеть, несколько метров асфальта мне не помешают. И что ты о нем думаешь?

— Крайне неприятный тип... Бр-р... Даже от лопухоида обычно ожидаешь большего.

— Ну-ну, Медузия, не будь такой суровой. Хотя бы из уважения к памяти Леопольда Гроттера.

— ЛЕОПОЛЬДА ГРОТТЕРА?! Он его знал? — пораженно воскликнула Медузия.

Сарданапал кивнул:

— Более чем. Он его родственник. И даже довольно близкий — всего-навсего троюродный племянник сестры его бабушки. Разумеется, для лопухоидов такое родство — седьмая вода на киселе, но мы-то с тобой знаем формулу магородства Астроактуса Параноидального!

— Он родственник Гроттера! Так вот почему мы...

— Тшш! — Академик внезапно поднес палец к губам, приказывая Медузии замолчать. Оба его уса разом напружинились и указали на канализационный люк.

Кивнув, Медузия бесшумно подкралась к люку и, присев на корточки, резко просунула туда руку. В ту же секунду из колодца послышался противный визг.

— Есть! Схватила! А ну стой! — крикнула преподавательница нежитеведения.

Когда рука Медузии вновь показалась на поверхности, ее пальцы крепко вцепились в ухо маленькой дамочки с бугристым фиолетовым носом и зелеными волосами. Ступни у шипящей дамочки были престранные — плоские и весьма смахивающие на ласты. Пленница шипела, плевалась, щелкала треугольными зубами и пыталась лягнуть Горгонову то правой ластой, то левой, а то и обеими поочередно.

— *Убьюга на местюга! А ну отпуцуги, кому говорюги! Напустюги заклюнюги! Тьфуги на тыги! И на тыги тьфуги!* — яростно выкрикивала она.

— Ишь ты — кикиморка! Любопытный экземплярчик, довольно крупный... — с интересом разглядывая пойманную Медузией дичь, прокомментировал Черноморов.

— Опять эта нежить! — брезгливо поморщилась Медузия. — Порой я начинаю сомневаться, что Такого-Нет действительно исчезла. То кто-то подослал Мертвого Грифа, а теперь вот это страшилище... А ну не трепыхайся!

— *А-а-а! Сама страшилюга! Отпуцуги, сволочуги! Моя свои делуги проходуги! Нужнуги вы мнуги, рвануги штануги! Тьфуги на тыги!* — визжала кикиморка, не оставляя попыток пнуть Медузию ластой. Той приходилось удерживать ее на расстоянии вытянутой руки, что было непросто, так как кикиморка была довольно упитанная.

